

Т.И. Харитонов

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ
И «ПОМУТНЕНИЕ» ЭСТЕТИЧЕСКОГО НАЧАЛА.
О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ
ЭСТЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО^{*}, ^{**}**

Харитонов Тимофей Ильич – аспирант, стажер-исследователь. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: tkharitonov@hse.ru

В статье дается новая концептуализация философской эстетики Ф.М. Достоевского как взаимодействия двух комплексов идей – утопического и персоналистического. Первый комплекс основывается на концепции эстетической интуиции человека как залого его нравственного преображения и представлен в произведениях писателя в опыте персонажей-мистиков и идее народа-богоносца. Другое – персоналистическое представление об эстетике, отразившееся в нравственных исканиях персонажей-красавцев и эсхатологической проблематике отдельных произведений, наоборот, подчеркивает нравственную двусмысленность земной красоты и необходимость свободного выбора между добром и злом без опоры на внутреннее знание. По предпочтению одного из двух комплексов идей исследовательская литература также разделяется на два направления, первое из которых (утопическое) восходит к трактовке В.С. Соловьева, а второе (персоналистическое) – к трактовкам Н.А. Бердяева и В.И. Иванова. Сопоставление сложившихся нарративов интерпретации позволяет нам выдвинуть гипотезу о содержательной неоднородности эстетики Достоевского и говорить о персонализме и утопизме как о двух самостоятельных философских мировоззрениях в художественном мире писателя. Приведенный в статье анализ развития эстетической проблематики в произведениях Достоевского показывает, что дуализм представлений о красоте сохраняется во всем его творчестве, начиная с 1860-х гг., и писатель не столько сталкивает идеи двух направлений, сколько статично воспроизводит их в рамках единой схемы, не предполагающей философского синтеза. Усложнение и раздвоение функции красоты как фактора нравственного воспитания человека в позднем творчестве Достоевского может отражать его реакцию на переоценку ценностей, связанную с секуляризацией и кризисом нигилизма.

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

^{**} Выражаю благодарность к.ф.н. Павлову И.И. за ценные комментарии в процессе работы над данным исследованием.

Ключевые слова: Достоевский, эстетическая утопия, персонализм, нравственный смысл эстетики

Для цитирования: Харитонов Т.И. Эстетическая утопия и «помутнение» эстетического начала. О содержательной неоднородности эстетического дискурса в позднем творчестве Ф.М. Достоевского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 1. С. 68–84.

Введение

В исследованиях, посвященных философской систематизации идей Ф.М. Достоевского, тема эстетики часто не получает должного рассмотрения, а литература, обращенная непосредственно к этой теме, разделяется на два направления, поддерживающих противоположные друг другу интерпретации. Часть исследователей в своих работах воспроизводят «утопическую» трактовку эстетики, восходящую к идеям В.С. Соловьева и Н.О. Лосского, вменяют писателю представление о единстве красоты и добра, отождествление идеала красоты с нравственным образом Христа и усматривают в идее эстетического воспитания корни социальной утопии Достоевского. Другие воспроизводят противоположный – «персоналистический» – нарратив, восходящий к работам Н.А. Бердяева и В.И. Иванова, и полагают, что писатель считал идеал эстетики недостижимым в человеческой жизни. Такой подход указывает на моральную амбивалентность земной красоты и вообще присутствие в мире зла как на условия моральной свободы человека, вследствие чего тема эстетики в произведениях писателя связывается уже не с его идеями общественного устройства, а с его философией личности. Сохранение этого дуализма интерпретаций даже в современном достоевведении свидетельствует о необходимости более комплексного подхода к эстетике писателя, учитывающего ее внутреннюю неоднородность. Поэтому в данной статье приводится новая концептуализация эстетического дискурса в творчестве Достоевского, вдохновленная идеей Р. Лаута о наличии «различных мировоззренческих структур» в художественном мире его произведений¹.

Две концепции эстетики Достоевского, сложившиеся в исследовательской литературе, подсвечивают разные идейные и композиционные составляющие его произведений, что позволяет нам рассматривать их не как конкурирующие, но как дополняющие друг друга структуры мировоззрения в едином дискурсивном пространстве текста. Так, утопический комплекс идей, связанный с представлением об эстетическом чувстве как врожденном человеку интуитивном восприятии высшей реальности, способствующем его моральному совершенствованию, отразился в мистических переживаниях персонажей-эпилептиков – Мышкина и Кириллова, тоске Версилова по Золотому веку, сне смешного человека и в учении старца Зосимы о «соприкосновении с мирами иными». Персоналистический комплекс идей, акцентирующий внимание на «помутнении» или «раздвоении» эстетического начала и необходимости «спасти саму красоту», выражен в нравственных исканиях персонажей-красавцев Достоевского – Ставрогина, Настасьи Филипповны, Грушеньки и эсхатологической проблематике «Идиота», «Бесов»

¹ Лаят Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 20.

и «Братьев Карамазовых». На противопоставлении первой (условно «положительной») и второй (условно «отрицательной») линий характеров и идейных мотивов во многом выстраивается структура всех произведений «Великого пятикнижия», и подход, предполагающий некое диалектическое снятие этого противопоставления, сегодня кажется наивным и устаревшим². Вместо этого мы могли бы увидеть в обозначенных концепциях общий религиозный компонент и рассмотреть их как часть единого проекта писателя апологии христианской морали в условиях секулярной переоценки ценностей. Обе концепции эстетики – позитивный и негативный подходы к обозначению внутренней духовной ценности красоты – могут быть противопоставлены утилитаристским инструментальным представлениям об искусстве и нравственности, господствующим в секулярной картине мира, диалог с которой с позиции религии пытался выстроить Достоевский.

Структурно статья разделяется на две части. В первой части дается характеристика основных тропов интерпретации эстетики Достоевского в исследовательской литературе, на основании которой можно выделить два комплекса идей – утопический и персоналистический, а также сформулировать основные проблемы, вокруг которых выстраивается эстетический дискурс его произведений. Во второй части выявленная дуалистическая схема эстетики накладывается на содержание конкретных текстов, что позволяет проследить разветвление и развитие структур эстетического мировоззрения на протяжении творческого пути писателя и рассмотреть эстетический дискурс не вертикально – как планомерную выработку некоего правильного представления о красоте, а горизонтально – как воспроизведение единой дуальной схемы, отражающей мировоззренческий диалог эпохи. Рассмотрение противопоставления утопического и персоналистического мировоззрений в произведениях Достоевского как полемика приема в контексте интеллектуального пространства своего времени позволяет говорить об актуальности идей писателя в свете более широкого исследования взаимодействия русской религиозной философии с идеями секулярного модерна.

Две традиции интерпретации эстетики Ф.М. Достоевского

1. Красота как спасительный идеал

Основы философской интерпретации эстетики Достоевского заложили еще классики русской мысли. Впервые к этой теме обратился В.С. Соловьев, сформулировавший в своих «Трех речах...» концепцию эстетической утопии писателя. Понимая формулу Достоевского «красота спасет мир» как эсхатологическое пророчество о необходимости полного воплощения в мире красоты как «конца и цели» исторического процесса, Соловьев впервые провел связь между эстетикой писателя и его идеей народа-богоносца³. «Инстинктивно и полусознательно усвоенная русским народом» идея «совершеннейшей красоты», раскрывающаяся в образе Христа, в интерпретации

² См., например, критику диалектического прочтения Достоевского у М.М. Бахтина (*Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М., 2002. С. 32–41*).

³ *Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 306.*

Соловьева должна служить залогом спасения мира и интуитивным основанием для эстетического воспитания человека.

Эту же идею воспроизводит и Н.О. Лосский. В целом разделяя оптимизм Соловьева, но также уделяя внимание и «темной стороне» эстетики Достоевского, Лосский впервые привносит в ее утопическое прочтение идею двойственности человеческой природы и возможности ошибочно поклоняться «подделкам» «подлинной красоты»⁴. В совокупности интерпретации Соловьева и Лосского формируют классический нарратив интерпретации эстетики Достоевского как утопии воспитания человека и преодоления несовершенства его природы через обращение к интуитивным идеалам эстетики. В современной литературе такое прочтение представлено, например, в работе Л.М. Розенблюм⁵.

Определенное отклонение от соловьевской линии, поддержанной Лосским и Розенблюм, можно увидеть в работе Дж. Сканлана. Указывая на то, что «Абсолют Соловьева в основе своей этичен, тогда как метафизический Абсолют Достоевского – эстетичен»⁶, Сканлан отказывается от идеи красоты как воплощения добра и, наоборот, делает добро – в форме «нравственной красоты» – воплощением «высшей» «космической» красоты Абсолюта⁷. «В результате влияния эмоциональных, волевых и интеллектуальных факторов» мы можем исказить свои представления об эстетике и на субъективном, нравственном уровне красота предстает для нас «помутившейся» и «раздвоенной», но объективный «внутренний идеал эстетики», отождествляемый с Христом и способствующий моральному совершенствованию, все равно един, и его «мы знаем интуитивно»⁸.

Отдельно также стоит отметить реконструкцию философии творчества Достоевского в статье А. Дель'Асты. Итальянский исследователь отождествляет представление о красоте как об «идеале гармонии», примиряющем эстетов и утилитаристов в литературной критике, из ранней статьи Достоевского «Г-н -бов и вопрос об искусстве», с его более поздней концепцией красоты как хриstopодобия. Образ Христа, будучи конкретным воплощением эстетического Абсолюта, указывает художнику на компромисс между служением действительности и стремлением к вечности и таким образом формирует идеал для новой «литературы красоты», которая, по словам Достоевского из записной книжки, «одна лишь спасет»⁹. Эстетическая утопия Достоевского в такой трактовке получает отражение и в его представлениях о литературе.

Суммируя все приведенные интерпретации, можно заметить, как утопическое прочтение эстетики Достоевского со временем усложняется и конкретизируется. Если Соловьев рассматривает красоту как исключительно положительную категорию, прямо отождествляемую с истиной и добром, то Лосский и Розенблюм добавляют к идее эстетического воспитания элемент личного выбора человека между «помутившейся» земной красотой и неким

⁴ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 208.

⁵ Розенблюм Л.М. «Красота спасет мир» (О «символе веры» Ф.М. Достоевского) // Вопросы литературы. 1991. № 12. С. 142–158.

⁶ Сканлан Д. Достоевский как мыслитель. М., 2006. С. 147.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Там же. С. 151.

⁹ Dell'Asta A. Aestheticism and utilitarianism: the principles of a new logic in Dostoevsky // Church, Communication and Culture. 2017. Vol. 2. No. 3. P. 223.

«высшим» идеалом эстетики. Скэнлан переносит этот выбор в область гносеологии и формулирует идею развития эстетической интуиции, предпочтение которой другим формам познания ценностей является условием для ведения нравственного образа жизни. Дель'Аста рассматривает этот интуитивно доступный человеку образ хриstopодобной красоты как художественный идеал, в котором преодолевается противоречие между эстетизмом и утилитаризмом в искусстве. Таким образом, эстетика Достоевского рассматривается в рамках данного нарратива и как измерение его метафизики, и как условие возможности его этики, и как идейное основание его философии творчества.

2. Красота как «страшная сила»

Радикально противоположное утопическому прочтению эстетики Достоевского впервые формулируется в работе Н.А. Бердяева. Отказывая писателю в представлении об интуитивной связи человека с эстетическим Абсолютом и постулируя непознаваемость красоты как идеи, Бердяев спускает эстетический дискурс с уровня метафизики на уровень личного морального выбора человека. Оставшись наедине со «страшным», «двоящимся» земным обликом красоты, человек в мире Достоевского чувствует равное влечение и к добру, и к злу, вследствие чего утопия воспитания красотой оказывается неосуществимой¹⁰. Схожую трактовку эстетики Достоевского в духе персонализма предлагает и В.И. Иванов, осмысляющий трагедию «небесного посланца» князя Мышкина, отказавшегося от «образа чистой красоты» в пользу ее земного облика, «попавшего в плен материи», как неизбежный факт человеческого существования¹¹. Как и Бердяев, Иванов ставит спасение мира в зависимость от свободного выбора человека между «бытием в Боге или бегством от Бога в небытие», отказывая писателю в вере в господство интуитивного знания¹².

Развивая интерпретацию Иванова, К.М. Мочульский в своей монографии объясняет трагедию Мышкина уже не добровольным «предательством неба», а изначальной неспособностью перенести на землю то «предвосхищение рая», которое возможно только через «экстаз», в виде некоммуницируемого мистического опыта¹³. Идея потери связи с эстетическим Абсолютом из-за испорченности земной природы трансформируется у Мочульского в представление о трагической невыразимости категории подлинно прекрасного, что также открывает возможность для прочтения эстетики Достоевского в духе апофатического богословия¹⁴.

Еще одну итерацию персоналистического прочтения предлагает биограф Достоевского Джозеф Фрэнк. Вследствие «пленения светлой силы любви темной стихией эроса» человек в мире Достоевского оказывается

¹⁰ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 56.

¹¹ Иванов В.И. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика // Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 545.

¹² Там же. С. 510.

¹³ Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, 1947. С. 305.

¹⁴ См., например, у Т.А. Касаткиной (*Касаткина Т.А. «Мир спасет красота...» // Достоевский и современность. Материалы XXV Международных Старорусских чтений 2010 года.* URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?id=39388&ts=24&ss=2> (дата обращения: 28.06.2024).

скован «законом личности», склоняющим его к эгоизму¹⁵. Возвещенный Христом «образ чистой красоты», понимаемый как «предчувствие высшего морального неэгоистического порядка»¹⁶, в такой интерпретации оказывается осуществимым только «в конце времен», ведь сама природа человека неизбежно приводит его к трагедии красоты, происходящей уже на моральном уровне¹⁷.

Наконец, самое подробное изложение развития эстетической проблематики в произведениях Достоевского приводится в статьях О.А. Богдановой. Отталкиваясь от шиллеровского представления о красоте как «идеале гармонии», соответствующем самой природе человека, писатель в интерпретации исследовательницы постепенно переосмысляет свои взгляды и уже в «Идиоте» и «Бесах» придает шиллеровским идеям вид «гуманистической иллюзии», которая, не имея опоры в религии, неизбежно обращается в собственную противоположность и «становится орудием “нечистого духа”»¹⁸. В противовес ложному гуманистическому идеалу «католическо-европейской Мадонны», «перетекающему, с эпохи Ренессанса, в гуманистическое любование земной “человечностью”», писатель обращается к традиции православия и эстетике древнерусской иконы, возвещающим о спасении мира как о торжестве истины и добра, но уже вопреки земной красоте¹⁹. Гуманистическому идеалу эстетической утопии в такой интерпретации противопоставляется не сводимый к эстетике православный идеал святости, который, как и в трактовке Фрэнка, утверждает первостепенность религиозной этики над идеей воспитания красотой.

Суммируя приведенные интерпретации, мы можем сформулировать основные черты персоналистического подхода к эстетике Достоевского. Все представители данного направления отказываются признавать за красотой то безусловно положительное значение, которое придавали ей приверженцы утопического подхода, и вменяют Достоевскому представление об автономной природе зла, которое обладает красотой в той же мере, что и добро. Бердяев и Иванов прямо называют такую картину мира гностической. Фрэнк связывает трагедию красоты с проявлениями эгоизма и эротической любви, а Мочульский и Касаткина указывают на невыразимость или непознаваемость подлинных идеалов прекрасного вследствие испорченности природы человека. Богданова противопоставляет идеям воспитания красотой православный идеал святости, противоречащий традиционным представлениям об эстетике. Все исследователи так или иначе подчиняют эстетику этике, акцентируя свободу морального выбора человека, и отрицают наличие какой-либо внутренней силы, подталкивающей его к положительному преображению.

Сопоставляя идеи двух направлений, мы можем сформулировать *основные проблемы эстетики Достоевского*, вокруг которых выстраивается ее характеристика в философии:

¹⁵ Frank J. Lectures on Dostoevsky. Princeton (NJ), 2019. P. 137.

¹⁶ Ibid. P. 142.

¹⁷ Ibid. P. 139.

¹⁸ Богданова О.А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф.М. Достоевского. Статья вторая // Новый филологический вестник. 2013. № 4 (27). С. 90.

¹⁹ Богданова О.А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф.М. Достоевского. Статья вторая // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 50.

1) Соотношение красоты и добра

Сторонники утопического подхода так или иначе наделяют Достоевского представлением о классической христианской калокагатии, определяя красоту как конкретное воплощение истины и добра и объективное основание нравственности. В рамках персоналистического подхода эстетический Абсолют Достоевского осмысливается либо дуалистически (красота как надэтическое начало, опосредующее конкретные проявления как добра, так и зла), либо апофатически (эстетическое восприятие человека «помутилось», и понимание идеи «чистой красоты» ему недоступно).

2) Эсхатологический смысл эстетики

В утопическом нарративе красота мироздания понимается как посюстороннее свидетельство его будущего спасения. Конец истории есть полное воплощение в мире красоты, и эсхатологическая задача человека связывается с творчеством и ведением этически и эстетически правильного образа жизни. В персоналистическом подходе «трагическое раздвоение» земного облика красоты и ее подчинение материи воспринимается как свидетельство переходного статуса истории человека и его оторванности от Бога. Восстановление первозданной красоты мироздания в рамках земного существования, таким образом, оказывается невозможным.

3) Проблема субъективизма в эстетике

В контексте утопического нарратива возможность субъективных различий в восприятии красоты воспринимается как результат ошибочности и неточности эстетических представлений человека. Подлинное восприятие красоты либо уже дано нам интуитивно, либо открывается при обращении к конкретным формам проявления прекрасного (например, к «благообразию» русского народа). Сторонники персоналистического подхода либо отрицают возможность объективного восприятия красоты, либо понимают его как некоммуницируемый мистический опыт, не способствующий эстетическому воспитанию.

4) Идеал прекрасного

В каждом из двух подходов к эстетике Достоевского его положительный идеал отождествляется с Христом и христоподобным благообразием русского человека. Различие интерпретаций выстраивается только вокруг вопроса о возможности отрицательного идеала прекрасного. В рамках утопического подхода подлинный идеал красоты может быть только один, а персоналистическая интерпретация указывает на раздвоение эстетического начала и равноправие идеала Мадонны и идеала Содомского.

5) Смысл искусства

Сторонники утопической трактовки эстетики Достоевского часто указывают на верность писателя усвоенному в юности шиллеровскому идеалу воспитания искусством. Творчество, воссоздающее идеалы чистой красоты, должно способствовать гармоническому развитию рациональных и чувственных способностей человека, и поэтому всякое искусство полезно и морально оправдано. В рамках персоналистического подхода постулируется представление о разрыве писателя с идеями Шиллера и переходе от любования чистой красотой к христианскому идеалу святости.

Данные выводы также могут быть схематизированы в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Обобщенная характеристика двух базовых концепций красоты в произведениях Ф.М. Достоевского

	Утопизм	Персонализм
Соотношение красоты и добра	Красота – воплощение добра и основание нравственности	Эстетический Абсолют надэтичен/апофатичен
Эсхатологический смысл эстетики	Конец истории = восстановление первозданной красоты мироздания. Можно приблизить посредством ведения этически и эстетически правильного образа жизни	Красота «трагически раздвоена», «в плену материи» и «нечистого духа». Эстетическая утопия неосуществима в рамках земного существования
Субъективизм в восприятии красоты	Субъективизм – результат ошибок и дурной воли. Подлинное видение красоты дается интуитивно или в виде конкретных безусловных примеров	Субъективизм неизбежен. Красота причастна как добру, так и злу, человек свободно выбирает свой идеал
Идеал прекрасного	Христос / русский народ	Идеал Мадонны и идеал Содомский
Смысл искусства	Эстетическое воспитание (Шиллер)	Разрыв с Шиллером, вместо «чистой красоты» идеал святости

Структура эстетического дискурса в произведениях Ф.М. Достоевского

1. Гипотеза о неоднородности эстетики Достоевского

Факт постоянного воспроизведения обоих противоположных нарративов интерпретации эстетики Достоевского на протяжении всей истории ее исследования приводит нас к гипотезе о том, что данное противоречие является не столько следствием разночтений между исследователями, сколько объективным отражением дуализма в структуре эстетического дискурса самих произведений писателя. Если точнее, мы можем предположить, что в произведениях Достоевского содержится не одна, а две разных философии эстетики, две структуры эстетического мировоззрения, которые, несмотря на свою содержательную противоположность, не конкурируют, но дополняют друг друга в диалогическом пространстве романа.

Предлагаемый тезис выдвигался в исследовательской литературе еще в классическую эпоху достоевведения, но не получил развития в работах современных исследователей. Еще В.В. Зеньковский выделял в эстетике Достоевского «два цикла идей», которые «развиваются параллельно, друг друга

путая и осложняя»²⁰. Предложенное Зеньковским противопоставление «эстетической утопии Достоевского» (впервые эксплицированной в его работе) и альтернативного представления об «ослаблении» «внутренней силы, присущей эстетическому началу», вследствие которой земная красота оказывается во власти зла, во многом легло в основу противопоставления утопического и персоналистического циклов идей эстетики, использующегося в данной работе²¹. То же самое противопоставление, только уже без привязки к эстетике, можно увидеть и в идее С.И. Гессена о «борьбе утопии и автономии в мирозерцании Достоевского»²². Представление писателя о мистическом «соприкосновении с мирами иными», подталкивающее человека к построению земной утопии, противопоставляется Гессеном его апологии моральной свободы, отрицающей «гетерономную зависимость добра от знания»²³. Наконец, «две структуры эстетической мысли в рассуждениях Достоевского» также отмечал Р.Л. Джексон²⁴. Не упрекая писателя в непоследовательности и противоречии, как это делали предыдущие авторы, Джексон вменяет ему представление о двоякой природе человека, привлекающей его к двум видам красоты – «небесной», возвещающей об идеалах хриstopодобия, и «земной», воспевающей телесность и здоровье, но вводящей во грех²⁵. Предпочтение небесного идеала земному осмысливается Джексоном как «экзистенциальный выбор» в пользу христианства, который Достоевский предлагает сделать читателю²⁶.

Все три автора недооценивают самостоятельную ценность двух циклов идей эстетики и, так или иначе, пытаются подогнать идеи писателя под концепцию единой = «правильной» философии. Так, Зеньковский выводит из произведений Достоевского идею о неизбежности «крушения эстетической утопии»²⁷, но указывает на то, что сам писатель «не смел это осознать» или «не успел высказать»²⁸. Гессен пишет о «преодолении утопизма» в «Братьях Карамазовых» как о неосознаваемом Достоевским акте «художественной интуиции», «возвышающейся до провидения»²⁹. А постулируемый Джексоном выбор из «двух видов красоты», как справедливо заметил Сканлан, в конечном итоге сводится к различению подлинного и ошибочного представлений о ней³⁰. Гессен и Зеньковский трактуют идеи писателя в духе персонализма, а Джексон, рассуждая об изначально явленном человеку «высшем идеале красоты», к которому необходимо прислушаться, отвергнув чувственные соблазны, наоборот, отчетливо воспроизводит утопический нарратив. Все три автора отступают от дескриптивного анализа

²⁰ Зеньковский В.В. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского // Путь. 1933. № 37. С. 37.

²¹ Там же. С. 47, 50.

²² Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева // Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 609.

²³ Там же. С. 644.

²⁴ Jackson R.L. Dostoevsky's quest for form: A Study of His Philosophy of Art. New Heaven, 1966. P. 41.

²⁵ Ibid. P. 43–44.

²⁶ Ibid. P. 70.

²⁷ Зеньковский В.В. Проблема красоты в мирозерцании Достоевского. С. 37.

²⁸ Там же. С. 57–58.

²⁹ Гессен С.И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева. С. 667.

³⁰ Сканлан Д. Достоевский как мыслитель. С. 245.

текста и подчиняют свое исследование задаче реконструкции авторского мировоззрения, игнорируя, таким образом, самостоятельное значение идей, высказываемых в произведениях писателя. Кроме этого, они недооценивают важность самого факта равноправия двух мировоззренческих схем эстетики в дискурсивном пространстве текста. Этот дуализм объективно заслуживает внимания исследователей не только как нетривиальный формальный прием, но и как особый, свойственный Достоевскому, способ философского рассуждения и полемики.

Рассмотрение существующих интерпретаций эстетики Достоевского неизбежно приводит нас вслед за М.М. Бахтиным к выводу о том, что как минимум в рамках эстетического дискурса его произведений «тщетно искать системно-монологическую, хотя бы и диалектическую, философскую завершенность»³¹. Но признавая справедливость Бахтинского принципа «множественности авторитетных идеологий»³², мы еще не обязаны уходить в сухой формализм, препятствующий философской аналитике текста. В целях именно философского, а не филологического анализа, мы можем отступить от холизма Бахтина и рассмотреть дискурсивное пространство произведений Достоевского как совокупность нескольких фундаментальных идеологических структур, под которые подпадают идеи конкретных персонажей писателя. Данный подход ближе к методологии Р. Лаута³³, который также рассматривал философские идеи в произведениях Достоевского через призму дуальной схемы мировоззрений, но не уделил в своем исследовании достаточного внимания теме эстетики. Закрывая этот пробел и обращаясь именно к эстетическому дискурсу в произведениях Достоевского, мы можем представить его как структуру взаимодействия двух фундаментальных мировоззрений – персонализма и утопизма.

Руководствуясь такой оптикой, мы можем произвести краткую характеристику эстетического дискурса в основных произведениях писателя и проследить разветвление и развитие содержащихся в нем мировоззрений.

2. Эстетика Ф.М. Достоевского как взаимодействие утопического и персоналистического мировоззрений

Эстетическое мировоззрение Достоевского до 1870-х гг. принято ассоциировать с философией Шиллера, влияние которой наиболее заметно по статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве»³⁴. Значение шиллеровского периода для последующего творчества писателя можно определить по-разному – в литературе можно найти и положительные, и отрицательные оценки данной рецепции³⁵. Иногда исследователи также обнаруживают отражение шиллеровской концепции эстетического воспитания в романах 1860-х гг. –

³¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 14.

³² Там же. С. 25.

³³ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. С. 20.

³⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Л., 1978. С. 70–103.

³⁵ Часть исследователей придерживаются позиции, что в последующем творчестве писатель прямо продолжает идеи данной статьи, просто применяя их в более широком контексте (напр.: McReynolds S. Dostoevsky and Schiller: National renewal through aesthetic education // Philosophy and literature. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 365), другие, наоборот, постулируют «разрыв с Шиллером» и переосмысление описанных в статье идеалов (напр.: Вальмонт Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М., 1984. С. 220).

«Униженные и оскорбленные» и «Преступление и наказание»³⁶, но в эксплицитной форме эстетический дискурс в них не представлен.

Начальной точкой самобытной христианской эстетики Достоевского принято считать роман «Идиот», где уже потенциально содержатся и утопические, и персоналистические идеи. Утопическое представление об интуитивной данности человеку идеала прекрасного, способствующего его моральному совершенствованию, может быть проассоциировано в романе с мистическим опытом князя Мышкина «слияния с высшим синтезом жизни» «в красоте и молитве», питающим его веру в спасение мира красотой³⁷. Одновременно с этим неспособность Мышкина донести до других людей это интуитивное предчувствие всеобщего примирения подталкивает нас к противоположным выводам о неосуществимости эстетической утопии. Нравственные скитания красавицы Настасьи Филипповны и апокалиптические рассуждения Лебедева о господствующем в человечестве «законе саморазрушения»³⁸ прямо отсылают нас к персоналистическому нарративу, отказывающему красоте в способности морального преображения человека и постулирующему свободный выбор между добром и злом³⁹. Соотнося утопическую и персоналистическую трактовки «Идиота», мы можем сказать, что эстетическая проблематика романа во многом сводится к вопросу об основаниях нравственности, который обсуждается в нем с двух философских позиций: интуитивистской этики, связывающей нравственность с врожденным человеку чувством гармонии, и религиозной этики, акцентирующей греховность человека и невозможность его самостоятельного спасения без опоры на высшие силы.

В противоположность идее «изображения положительно прекрасного человека», определяющей утопический пафос «Идиота», в романе «Бесы», наоборот, поднимается проблема анти-идеалов эстетики и возможности красоты пребывать во зле. Красавец Николай Ставрогин, предстающий как «свет и солнце» для остальных персонажей романа и не знающий при этом «различия в красоте между подвигом и зверскою штукой»⁴⁰, своим внешним обликом и своими убеждениями прямо демонстрирует идею амбивалентности красоты. В противоположность этому мышкинские идеи мистического предчувствия гармонии бытия почти дословно воспроизводятся в романе в рассуждениях студента Кириллова о земном рае, а в идеях Шатова – о народобогоносце и об «эстетическом начале», которое «движет народами»⁴¹, впервые вырисовывается оригинальное национальное представление об эстетике, отождествляемое с русским народным благообразием. Оба этих представления развивают идеи утопической линии, противостоящей персоналистической проблематике образа Ставрогина.

В романе «Подросток» эстетическая проблематика представлена менее явно и в исключительно утопических коннотациях – элементы персонализма в этом произведении найти сложнее. Тоска Версилова по «Золотому

³⁶ Об эстетической проблематике произведений Достоевского 1860-х гг., см., напр.: *Leatherbarrow W.J. The Aesthetic Louse: Ethics and Aesthetics in Dostoevsky's «Prestupleniye i nakazaniye» // The Modern Language Review. 1976. Vol. 71. No. 4. P. 857-866; Розенблюм Л.М. «Красота спасет мир». С. 142-180.*

³⁷ *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л., 1973. С. 188.*

³⁸ Там же. С. 310-311.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л., 1974. С. 201.*

⁴¹ Там же. С. 199.

веку» как идеалу изначальной гармонии мира до грехопадения, оттеняется его богоборчеством и душевной «раздвоенностью», и это как будто бы приводит нас к стандартной дихотомии утопии и личного своеволия, намеченной в предыдущих произведениях. Но в концовке романа персонаж преодолевает свою роковую страсть и воссоединяется с носительницей народного «благообразия» Софьей, что уже не оставляет у читателя никакого сомнения в гармонизирующей, примиряющей силе красоты⁴². Тот же Золотой век, о котором мечтал Версильев, уже в действительности открывается народному старцу Макару Долгорукому, для которого во всей природе есть «красота неизреченная», «тайна Божия» «в каждой былинке и в каждом древе»⁴³. Эстетическая утопия «очищения чувства» через соприкосновение с народной традицией и «с красотой идеала в былинах наших»⁴⁴ подается в «Подростке» уже без персоналистической альтернативы, и для этого романа приходится сделать исключение в рамках нашей дуальной схемы. Все ранее волновавшие писателя противоречия эстетики явно уходят на второй план в период его увлечения национальной идеей. Это также заметно и по другим произведениям второй половины 1870-х гг. – «Сну смешного человека», прямо продолжающему мотив тоски по Золотому веку⁴⁵, и статьям в «Дневнике писателя» с рассуждениями о красоте и хриstopодобии русского человека, которые впоследствии доходят до апогея в Пушкинской речи.

Тем не менее, торжество эстетической утопии в «Подростке» сменяется еще большей радикализацией противоречия между утопизмом и персонализмом в «Братьях Карамазовых». В транслируемом сразу несколькими персонажами романа мотиве любования «живой жизнью», а также в речи старца Зосимы о «соприкосновении с мирами иными», семена которых Бог посеял в «прекрасной и безгрешной природе»⁴⁶, продолжается идущая еще от князя Мышкина, через Кириллова и Макара Долгорукого, утопическая идея интуитивного предчувствия высшего порядка бытия, открывающегося в эстетике. В противоположность этой идее в образе Грушеньки также явно представлено и другое – «инфернальное» обличье земной красоты. Философский монолог Дмитрия Карамазова о красоте как о «страшной силе» и «поле битвы» «Дьявола с Богом»⁴⁷ контекстуально привязан именно к страшному очарованию Грушеньки и той нравственной дилемме, которую она порождает. В этой сюжетной линии угадывается знакомое еще с «Бесов» представление о красоте, вводящей во зло. В персоналистический комплекс идей также часто вписывается и критика самой идеи утопии в «Легенде о Великом инквизиторе», которая неизбежно бросает тень на мечту о земном рае, высказываемую в романе⁴⁸. Поляризация противоречия между утопическим и персоналистическим мировоззрениями в последнем романе писателя, а также его попытка придать этому противоречию определенное концептуальное оформление в философских речах героев наталкивает нас

⁴² Там же. С. 307.

⁴³ Там же. С. 287.

⁴⁴ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л., 1982. С. 198.

⁴⁵ О теме эстетики в «Сне смешного человека», см., напр.: *Мочульский К.В.* Достоевский. С. 454–460; *Сканлан Д.* Достоевский как мыслитель. С. 149–152.

⁴⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 272.

⁴⁷ Там же. С. 100.

⁴⁸ Напр.: *Гессен С.И.* Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьева. С. 663.

на мысль о том, что в своем творчестве Достоевский не столько пытается разрешить противоречие двух концепций эстетики, сколько, наоборот, все точнее и подробнее изображает две противоположных точки зрения на этот вопрос.

Параллельное развитие двух комплексов идей эстетики в творчестве Достоевского может быть проиллюстрировано в виде следующей схемы:

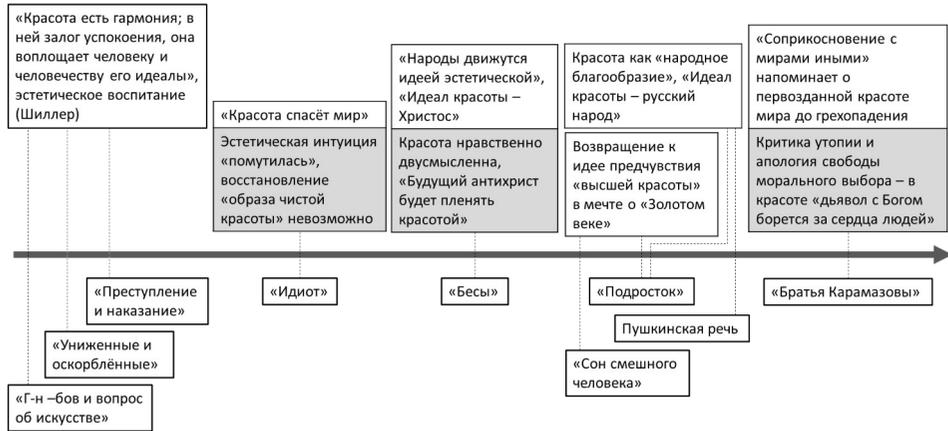

Рис. 1. Концепции красоты в произведениях Ф.М. Достоевского в хронологическом изложении. Серым выделены идеи персоналистической линии, остальные относятся к утопической

Мы видим, что идеи утопического и персоналистического мировоззрений отчетливо проявляются в эстетике писателя начиная со второй половины 1860-х гг. При этом их последующее развитие трудно назвать линейным, они не столько совершенствуются и усложняются, сколько повторяются в новых условиях и формулировках, и поэтому рассматривать эстетику Достоевского как некое диалектическое рассуждение, стремящееся к синтезу, исходя из данной схемы, было бы некорректно. Скорее, речь идет о применении уже готовой дуальной схемы в меняющихся контекстах.

Причина такого усложнения и вариативности философии эстетики в позднем творчестве Достоевского становится ясной, если посмотреть на его рассуждения о функции красоты в жизни человека и вписать их в контекст эпохи. И персоналистическое, и утопическое мировоззрение, несмотря на их содержательную противоположность, так или иначе транслируют религиозное представление о внутреннем духовном значении красоты, которое в романах писателя противопоставляется утилитарным рационалистическим схемам, обесценивающим искусство и ведущим к деградации человека. Начиная с полемики Достоевского с утилитаризмом в литературной критике в статье «Г-н –бов...», продолжая спор Степана Трофимовича с юными социалистами о том, «что прекраснее: Шекспир или сапоги?» в «Бесах», и заканчивая уже открытой критикой философии утилитаризма в «Записках из подполья», «Великом инквизиторе», «Дневнике писателя», он всегда противопоставлял доносимые искусством высшие духовные ценности «пищеварительной» этике, популярной в его эпоху. Переход писателя от Шиллеровских гуманистических воззрений на красоту к более сложной дуалистичной схеме религиозной эстетики в его позднем творчестве может отражать не столько его собственный поиск некой истинной философии, сколько

попытку выработать наиболее убедительную форму говорить о красоте на языке религии в условиях ценностного кризиса его времени.

В таком прочтении идеи Достоевского хорошо вписываются в предложенный К.М. Антоновым нарратив появления в русской философии «ренессансного религиозного сознания» «в стремлении к самообоснованию перед лицом утилитарной рациональности Просвещения»⁴⁹. На фоне необходимости отстоять религиозный смысл прекрасного в условиях кризиса нигилизма, «когда поднялись вопросы: хорошо ли хорошее-то?»⁵⁰, Достоевский переформулирует свою общую концепцию эстетического воспитания с двух возможных позиций: 1) с утопической позиции отказа от диалога с рационализмом и рационалистической концептуализации красоты в пользу мистической или интуитивной веры в «рай на земле» и «живую жизнь», или 2) с персоналистической позиции диалога с рационализмом через социально-культурную критику и апологию моральной свободы, несводимой к рационалистическим схемам. Оба этих представления Достоевского отразились в идеях последующих религиозных философов (например, в интуитивизме Лосского и С.Л. Франка, в этике и эстетике Соловьева, в идеях софиологии, в персонализме и философии творчества Бердяева), использовавших их для уже более эксплицитного ответа на вызовы секуляризации.

Заключение

Эстетика Достоевского, при всем обилии посвященной ей литературы, до сих пор остается достаточно темным разделом достоеведения, прежде всего в силу отсутствия цельности выработанного знания. Это может быть связано с распадом исследований в данной области на две противоположные традиции, не вполне осознающие себя как таковые. Авторы, предлагающие утопическое прочтение эстетики, эксплицитно возводят свои работы к интерпретации Соловьева, а те авторы, которые относятся к его трактовке критически, под влиянием работ Бердяева и Иванова формируют уже другой подход к эстетике писателя – персоналистический. Утопическое прочтение предполагает интуитивистскую концепцию этики, в рамках которой в основании нравственности человека полагается его врожденное чувство красоты, а в персоналистическом прочтении красота отделяется от добра и наделяется надэтическими или внеэтическими характеристиками, так что нравственность рассматривается исключительно как результат свободного выбора человека. Факт параллельного присутствия обеих концепций эстетики в почти всех поздних произведениях Достоевского не позволяет нам воспринимать этот дуализм как простое следствие разночтений между исследователями, вместо этого мы видим в нем общее свойство организации дискурсивного пространства произведений писателя, подчеркивающее самостоятельность содержащихся в нем мировоззрений.

Представленная в статье схема развития эстетической проблематики в творчестве Достоевского показывает, что дуалистическая схема взаимодействия утопического и персоналистического представлений о красоте

⁴⁹ Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. Ч. 1. М., 2020. С. 65.

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. С. 124.

воспроизводится во всех его поздних произведениях за исключением романа «Подросток». Изображение сразу двух равноправных комплексов идей эстетики позволяет Достоевскому сохранить гибкость полемического высказывания. И утопический, и персоналистический комплексы идей, так или иначе, транслируют религиозное представление об эстетике, радикально противоположное утилитаризму и пан-рационализму, с которыми полемизировал Достоевский. В этом смысле их можно рассматривать как две возможные стратегии отстаивания нравственной ценности красоты на фоне обесценивания романтических схем эстетического воспитания в условиях секуляризации и кризиса нигилизма.

Список литературы

- Антонов К.М.* «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков: в 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
- Богданова О.А.* Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф.М. Достоевского. Статья первая // *Новый филологический вестник.* 2013. № 4 (27). С. 74–93.
- Богданова О.А.* Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф.М. Достоевского. Статья вторая // *Новый филологический вестник.* 2014. № 1 (28). С. 41–69.
- Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA PRESS, 1923.
- Вальмонт Н.* Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984.
- Гессен С.И.* Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и В. Соловьёва // *Гессен С.И.* Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н.А. Чистякова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 609–677.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Зеньковский В.В.* Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // *Путь.* 1933. № 37. С. 36–60.
- Иванов В.И.* Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987.
- Касаткина Т.А.* «Мир спасёт красота...» // *Достоевский и современность. Материалы XXV Международных Старорусских чтений 2010 года.* URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?id=39388&s=24&ss=2> (дата обращения: 28.06.2024).
- Лаут Р.* Философия Достоевского в систематическом изложении / Пер. с нем. И.С. Андреевой. М.: Республика, 1996.
- Лосский Н.О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.
- Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1947.
- Розенблюм Л.М.* «Красота спасет мир» (О «символе веры» Ф.М. Достоевского) // *Вопросы литературы.* 1991. № 12. С. 142–180.
- Сканлан Д.* Достоевский как мыслитель / Пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреева. М.: Академический проект, 2006.
- Соловьёв В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
- Dell’Asta A.* Aestheticism and utilitarianism: the principles of a new logic in Dostoevsky // *Church, Communication and Culture.* 2017. Vol. 2. No. 3. P. 220–232.
- Frank J.* Lectures on Dostoevsky. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2019.
- Jackson R.L.* Dostoevsky’s quest for form: A Study of His Philosophy of Art. New Haven: Yale University Press, 1966.

Leatherbarrow W.J. The Aesthetic Louse: Ethics and Aesthetics in Dostoevsky's «Prestupleniye i nakazaniye» // The Modern Language Review. 1976. Vol. 71. No. 4. P. 857–866.

McReynolds S. Dostoevsky and Schiller: National renewal through aesthetic education // Philosophy and literature. 2004. Vol. 28. No. 2. P. 353–366.

Aesthetic utopia and “fading” of the aesthetic principle. On the heterogeneity of aesthetic discourse in the later writings of F.M. Dostoevsky*

Timofei I. Kharitonov

National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: tkharitonov@hse.ru

This article outlines a new conceptualization of the philosophical aesthetics of F.M. Dostoevsky as a dialogue of two complexes of ideas – utopic and personalistic. The first complex, based on a concept of the aesthetic intuition, which guarantees the moral adjustment of man, is represented in his novels by the experience of the mystic characters and the idea of a God-bearing nation. The other – personalistic conception, represented by the moral dilemmas of beautiful characters and eschatological motives of particular novels, on the contrary, highlights the moral ambiguity of earthly beauty and necessity of a free choice between good and evil. By preference of either of complexes of ideas, the research literature is also divided in two directions – the first of which (utopic) originates from the reading of V.S. Solovyov and the other (personalistic) – from the readings of N.A. Berdyaev and V.I. Ivanov. Comparison of interpretations allows us to hypothesize the heterogeneity of aesthetics of Dostoevsky and consider personalism and utopism as two independent philosophical worldviews, exhibited in the novels of Dostoevsky. The analysis of development of Dostoevsky's aesthetic discourse shows that dualism of conceptions of beauty persists in all his writings, starting from the 1860-s, and that the writer does not collide the ideas of two directions, but statically reproduces them within a single dialogical scheme with no intention of a philosophical synthesis. Such a complication and bifurcation of function of beauty in the moral upbringing of man in later writings of Dostoevsky can reflect his reaction to the revaluation of values, arising from secularization and the crisis of nihilism.

Keywords: Dostoevsky, aesthetic utopia, personalism, moral character of aesthetics

For citation: Kharitonov, T.I. “Esteticheskaya utopiya i «pomutnenie» esteticheskogo nachala. O soderzhatel'noi neodnorodnosti esteticheskogo diskursa v pozdnem tvorchestve F.M. Dostoevskogo” [Aesthetic utopia and “fading” of the aesthetic principle. On the heterogeneity of aesthetic discourse in the later writings of F.M. Dostoevsky], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 1, pp. 68–84. (In Russian)

References

Antonov, K.M. *‘Kak vozmozhna religiya?’: Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoi religioznoi mysli XIX-XX vekov* [‘How religion is possible?’: Philosophy of religion and philosophical problems of theology in the Russian religious thought of the XIX-XX centuries], Pt. 1. Moscow: PSTGU Publ., 2020. (In Russian)

* The research was funded by the Russian Science Foundation, No. 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

- Bakhtin, M.M. "Problemi poetiki Dostoevskogo" [Problems of Dostoevsky's poetics], in: M.M. Bakhtin, *Sobranie sochineniy* [Collected works], Vol. 6. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 7–300. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Mirosozercanie Dostoevskogo* [The worldview of Dostoevsky]. Praha: YMCA PRESS, 1923. (In Russian)
- Bogdanova, O.A. "Spaset li mir krasota? Problema krasoty i zhenskie haraktery v romannom tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Stat'ya pervaya" [Will beauty save the world? The problem of beauty and female characters in the novels of F.M. Dostoevsky. Article one], *The new philological bulletin*, 2013, No. 4 (27), pp. 74–93. (In Russian)
- Bogdanova, O.A. "Spaset li mir krasota? Problema krasoty i zhenskie haraktery v romannom tvorchestve F.M. Dostoevskogo. Stat'ya vtoraya" [Will beauty save the world? The problem of beauty and female characters in the novels of F.M. Dostoevsky. Article two], *The new philological bulletin*, 2014, No. 1 (28), pp. 41–69. (In Russian)
- Dell'Asta, A. "Aestheticism and utilitarianism: the principles of a new logic in Dostoevsky", *Church, Communication and Culture*, 2017, Vol. 2, No. 3, pp. 220–232.
- Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Collected works], 30 Vols. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian)
- Frank, J. *Lectures on Dostoevsky*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019.
- Gessen, S.I. "Bor'ba utopii i avtonomii dobra v mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo i V. Solov'eva" [Battle of utopia and autonomy of the good in the worldview of F.M. Dostoevsky and V. Soloviev], in: S.I. Gessen, *Izbrannye sochineniya* [Collected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, pp. 609–677. (In Russian)
- Ivanov, V.I. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 4. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1987. (In Russian)
- Jackson, R.L. *Dostoevsky's quest for form: A Study of His Philosophy of Art*. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Kasatkina, T.A. "Mir spasyot krasota..." ["Beauty will save the world..."], *Dostoevskii i sovremennost'*. *Materialy XXV Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii* [Dostoevsky and Modernity. Proceedings of the XXV International Starorussky Readings], 2010. [https://www.blagovest-info.ru/index.php?id=39388&s=24&ss=2, accessed on 28.06.2024]. (In Russian)
- Lauth, R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskom izlozhenii* [The philosophy of Dostoevsky in a systematic layout], transl. by I.S. Andreeva. Moscow: Respublika Publ., 1996. (In Russian)
- Leatherbarrow, W.J. "The Aesthetic Louse: Ethics and Aesthetics in Dostoevsky's 'Prestupleniye i nakazaniye'", *The Modern Language Review*, 1976, Vol. 71, No. 4, pp. 857–866.
- Lossky, N.O. *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York: Chekhov Publ., 1953. (In Russian)
- McReynolds, S. "Dostoevsky and Schiller: National renewal through aesthetic education", *Philosophy and literature*, 2004, Vol. 28, No. 2, pp. 353–366.
- Mochul'sky, K.V. *Dostoevskij. Zhizn' i tvorcestvo* [Dostoevsky. Life and works]. Paris: YMCA-PRESS, 1947. (In Russian)
- Rozenblyum, L.M. "'Krasota spaset mir' (O 'simvole very' F.M. Dostoevskogo)" ['Beauty will save the world' (On the 'symbol of faith' of F.M. Dostoevsky)], *Russian Studies in Literature*, 1991, No. 2, pp. 142–180. (In Russian)
- Skalan, D. *Dostoevskij kak myslitel'* [Dostoevsky the thinker], transl. by D. Vasylyeva and N. Kireeva. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2006. (In Russian)
- Solovyov, V.S. *Sochineniya* [Collected works]. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1988. (In Russian)
- Valmont, N. *Dostoevskij i Shiller: Zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of the Russian germanist]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1984. (In Russian)
- Zenkovsky, V.V. "Problema krasoty v mirosozercanii Dostoevskogo" [The problem of beauty in the worldview of F.M. Dostoevsky], *Put'*, 1933, No. 37, pp. 36–60. (In Russian)